

19.01.04

Маликова Ильмира

Россия - 2004 - 19 февр - 0.15

Журналист, который задает вопросы

Беседовала Мария Смуррова

Несмотря на потерю былой популярности, радиостанции, ориентированные на информационно-познавательное вещание, слушают и сегодня. В 1997 году появилась еще одна радиостанция — «Говорит Москва». Сейчас она вещает не только на столицу, где у нее около 400 тысяч поклонников. Через сеть «Общественное российское радио» в FM-диапазоне ее программы можно услышать в более чем 25 регионах. Мы беседуем с начальником службы информации радиостанции Ильмирой Маликовой.

— В чем вы видите основное отличие радио «Говорит Москва» от радиостанций вашего формата?

— Я не хочу говорить об отличиях. Отличие подразумевает некий эталон, нулевой меридиан. От кого будем считать? Мы работаем в том же формате, что «Маяк», «Радио России» и «Эхо Москвы». В основном мы похожи набором программ, гостями, приходящими в студию, журналистской школой и даже слушателями. Но у каждого радиослушателя, как и телезрителя, и читателя, всегда должен быть выбор. Об отличиях говорим не мы, а слушатели. Могу только сказать, что мы — социальное радио. Социальное как общественное — человеческое, личностное, первостепенное.

— Вы — женщина, которая руководит на радиостанции информационным вещанием. Почему вы выбрали такую мужскую профессию?

— Что касается личного опыта, то это — та самая случайность, которая является цепью закономерностей. Вряд ли уместно говорить, что мужское дело — информация, а женское — нечто необязательное, легкое. Скажу банальность: нужно быть профессионалом, тогда никто не скажет, что это не твое.

При выборе профессии есть два вектора: либо тебе это интересно, либо все равно, чем заниматься. Второе — проблема современной журналистики. Профессия все меньше и меньше ассоциируется и у самих журналистов, в особенности молодых, и у общества с каждодневным трудом, умственной работой, поиском. И внешне и изнутри она становится все более поверхностной и оттого не вызывающей доверия. Если нет законов для

власти, то и другие освобождают себя от нравственных законов. Это — цепная реакция распада, которая должна прекратиться. Надеюсь, со временем исчезнут равнодушные, а профессионалы к тому моменту не вымрут как мамонты.

— На радио вы ведете две авторские программы...

— «Мы и власть» и «Пресса. Как это делается». Обе выходят ежедневно по будням. Название первой говорит само за себя. Это интервью в прямом эфире с представителями исполнительной и законодательной власти, председателями общественных организаций, известными персонажами российской политики. Вторая программа посвящена современному состоянию прессы — встречи с моими коллегами из электронных и печатных СМИ. Мы также обсуждаем ведущие проблемы политики. Согласитесь, одно дело, если о проблеме будет рассуждать самодовольный и сыйтый чиновник любого уровня, и совсем другое, когда об этом рассказывает журналист, пишущий на данную тему.

— Существуют издания, представители которых никогда не появляются в вашем эфире?

— Я могла бы ответить: экстремистские и фашистские — но журналисты этих изданий особо не рвутся ко мне в гости. Поскольку это — авторская программа, у меня есть право приглашать только тех, кто мне интересен, с кем я могу вести конструктивный диалог и знать, что собеседник меня услышит. Кстати, в эфире бывают представители «желтой» прессы. Ячитываю то, что очень многих интересует публикуемая в этих изданиях информация. И потом

всегда любопытно знать, почему твой коллега, нормальный человек, вдруг начинает копаться в грязном белье знаменитостей. Уверяю вас, что все они — люди вполне адекватные, просто одним повезло пристроиться в приличное издание, другим остались жареные факты за хорошие деньги.

— А что за люди — политики, сенаторы? Каковы они в общении?

— Они — классические чиновники. Я позволяю себе иронизировать в адрес некоторых из них, с которыми давно и хорошо знакома, поэтому называю при встрече «политиками федерального масштаба». Они могут быть добрыми и снисходительными, разрешать с собой шутить. Уверена, что это маска: «Какой я открытый человек, дружу с журналистами». Однако надо помнить, что это только роль, которую они играют. Поэтому для себя важно уметь держать дистанцию. Некоторых я знаю с незапамятных времен, когда еще не было известно, выйдет ли из них что-нибудь путное. Но чем дальше я с ними на вы, тем свободнее от чувства недоброжелания задавать неприятные для них вопросы.

— Есть общие черты у «политиков федерального масштаба»?

— Безусловно, все люди разные. Но в отличие от журналистов они менее свободны. Говорят: «Пресса продажная!» А ведь политики еще больше зависимы — возможностью снова и снова избираться в Государственную думу, закрепиться в Совете Федерации. Несчастные по-своему люди: каждый день они должны доказывать свою верность хозяевам.

Когда прошли очередные выборы в Госдуму и один из очень известных вновь избранных политиков сказал, что победа их партии — честная победа здравого смысла всего народа, я поймала себя на мысли, что сейчас у меня нет моральных сил с ним разговаривать.

— Как реагируют представители исполнительной власти, когда вы, опираясь на факты, уличаете их во лжи?

— Обижаются. Чиновники убеждены, что у них есть лицензия на правду. По их мнению, все, что они говорят, есть истина в последней инстанции. Я не прокурор, не адвокат, я всего лишь журналист, который задает вопросы. А по их ответам слушатели уже имеют право делать выводы, что это за люди.

Мне кажется, что «лицензия на правду» — это достижение последних нескольких лет. Раньше власть иногда сомневалась.